

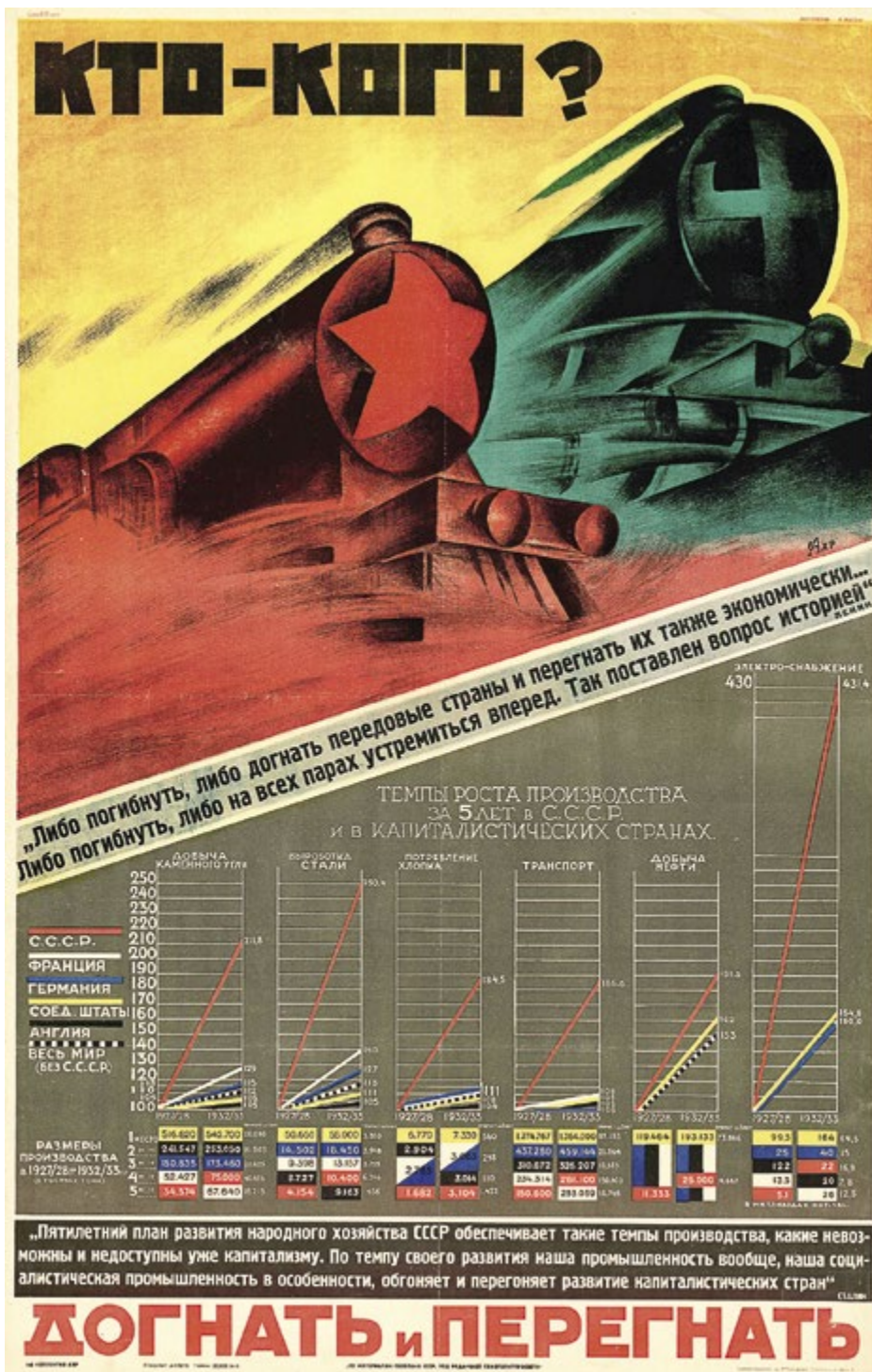
А был ли коллапс?

Часто можно слышать утверждения, что СССР был обречен, потому что его плановая экономика безнадежно проигрывала западной, рыночной. Это, мягко говоря, не совсем так

Текст: Владимир ПОПОВ, доктор экономических наук

Упрямый факт состоит в том, что СССР стал первой развивающейся страной, которая начала догонять Запад. С 1500 года разрыв между странами, которые мы сегодня называем западными, и остальным миром постоянно нарастал: если тогда все были примерно на одинаковом уровне развития, то к 1900 году Запад уже имел производительность труда и подушевой доход в шесть раз выше других. Увеличивалась и пропасть между Россией и западными странами: ни реформы Петра I, ни освобождение крестьян Александром II, ни преобразования Сергея Витте и Петра Столыпина не могли остановить прогрессирующего отставания. Российский ВВП на душу населения к 1913 году упал до 30% от уровня США и до 40% от уровня Западной Европы.

Только социалистическая экономика СССР стала догонять Запад: подушевой ВВП повысился с 20% от уровня США в 1928 году до 40% к концу 1960-х, несмотря на падение во время войны. А в 1950-е годы Советский Союз достиг таких темпов роста ВВП и производительности труда, которые не наблюдались в нашей стране никогда – ни раньше, ни позже. В середине 1960-х продолжительность жизни в СССР составила 70 лет, то есть всего на год-два меньше, чем в Америке. В общем, советская модель догоняющего развития при всех ее недостатках, безусловно, была очень конкурентоспособной и в экономической, и в социальной сфере –



и не менее притягательной, чем восточноазиатская (китайская) модель сегодня. Потому-то ее и пытались с разной степенью успеха копировать развивающиеся страны.

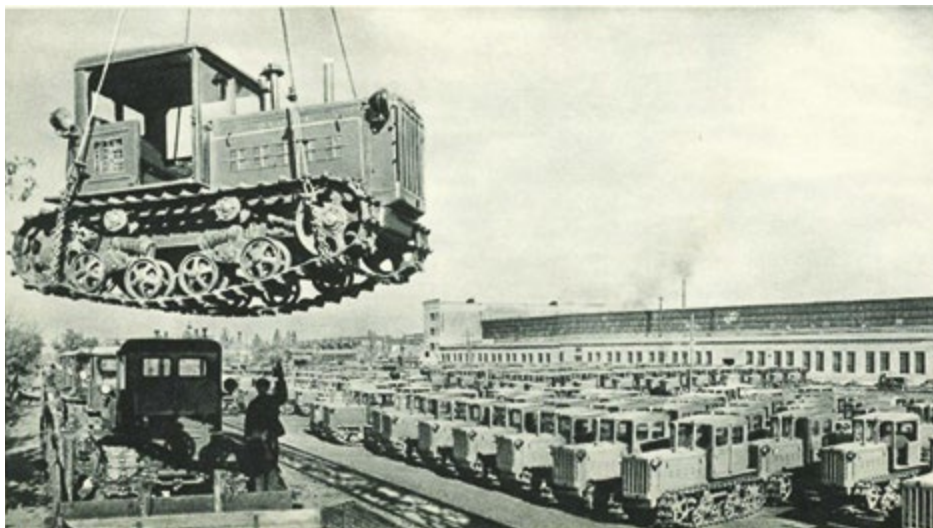
Замедление темпов

Теоретики марксизма исходили из того, что именно социализм позволит достичь наивысшей эффективности производства. Рост производительности труда, по мысли Владимира Ленина, есть самое важное, самое главное условие победы нового общественного строя. «Социализм, – писал он, – требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом».

В одной из фантастических повестей братьев Стругацких нарисована примечательная картина экономического вытеснения капитализма социализмом: «прославленные империи Морганов, Рокфеллеров, Круппов, всяких там Мицуи и Мицубиси» лопнули, не выдержав конкуренции более дешевых товаров, производимых в социалистических странах; только в обеих Америках, где «еще имеют хождение деньги», остались «несколько миллионов упрямых владельцев отелей, агентов по продаже недвижимости, унылых ремесленников», а также «солидные предприятия по производству шикарных матрасов узкого потребления»...

Это была заветная мечта любого экономиста-марксиста – своего рода нэп в глобальном масштабе, чисто хозяйственная, коммерческая победа социализма над капитализмом, основанная именно на более высокой эффективности производства в плановой системе.

До 1960-х годов предсказания о том, что мы сможем «догнать и перегнать» Запад, сбывались. В 1957-м СССР запустил спутник, в 1961-м – первого человека в космос. Но уже тогда темпы роста советской экономики стали замедляться. Пик развития пришелся на начало 1960-х. После этого экономика хоть и продолжала расти, но с постоянно снижающимся темпом. Продолжительность жизни, достигшая 70 лет в 1965 году, затем уже не увеличивалась,



Экономическая модель, сформировавшаяся в 1930-е годы, идеально подходила для индустриального скачка, но к 1960-м уже морально устарела

оставаясь до 1991-го в диапазоне 68–70 лет. Преступность, убийства, самоубийства, потребление алкоголя начали набирать обороты. Надежды на построение «социализма с человеческим лицом» были похоронены с вводом войск в Чехословакию в 1968 году.

Почему темпы роста замедлились? Дело в том, что советская плановая система имела свой жизненный цикл, определяемый сроками службы основных фондов и моментом «большого толчка».

строения элементов основного капитала – машин и оборудования, зданий и сооружений. Так что плановая система может более или менее успешно функционировать только два-три десятилетия после «большого толчка», а потом наступает неизбежное замедление темпов роста.

Основная проблема – невозможность состыковать все народно-хозяйственные пропорции сверху, из Госплана и министерств. Ни одна развивающаяся сложная система без механизма автоматической самонастройки работать

Плановая система может более или менее успешно функционировать только два-три десятилетия после «большого толчка», а потом наступает неизбежное замедление темпов роста

Способность мобилизации внутренних сбережений для осуществления этого «большого толчка», позволяющего бедным странам вырваться из «ловушки отсталости», всегда считалась главным достоинством плановой экономики. Проблема, однако, в том, что все это работает эффективно порядка 30 лет, а потом начинает «барахлить», поскольку не обеспечивается замена устаревающих и выбывающих из

не может. Точнее, может, но потери будут слишком велики.

Критика плановой системы австрийским экономистом и философом Фридрихом фон Хайеком до сих пор остается актуальной. Спланировать, в конце концов, можно все, если только остановить технический и социальный прогресс. Но сам прогресс – это процесс открытия и создания нового, который непредсказуем по определению.



СССР первым запустил человека в космос. Неэффективная экономика вряд ли справилась бы со столь амбициозной задачей

У рынка тоже много потерь: отсутствует долгосрочная перспектива, постоянно нарушается равновесие, отсюда и кризисы, и безработица и прочее. Однако приходится выбирать из двух зол меньшее. Провалы рынка можно и нужно исправлять планированием, но если это не ведет к еще большим издержкам.

Экономика рухнула не потому, что была советской, плановой и застойной, а потому, что горбачевские реформы сломали государство, без которого ни одна экономика не может функционировать мало-мальски эффективно

Неспособность плановой экономики свести межотраслевой баланс без рыночных автоматических регуляторов – состыковать производство и потребление миллионов изделий – становится особенно пагубной, когда инвестиции не могут более использоваться для расшития «узких мест», так как нужны для возмещения выбывающих из строя элементов основного капитала. Это, видимо, является ключевым

фактором среди многих причин замедления темпов роста, начавшегося в 1960-х годах и закончившегося застоєм 1980-х.

Можно сказать, что если и была необходимость ввести плановую систему в начале 1930-х годов для осуществления «большого толчка», то ее надлежало реформировать в начале 1960-х, по-

сле того как основные ее достоинства оказались уже исчерпаны. Азиатский путь развития (Китай и Вьетнам, где плановая экономика сложилась лишь после Второй мировой войны) и в данном случае выглядит предпочтительным: в КНР рыночные реформы начались в 1979-м, во Вьетнаме – в 1986-м. Странам же Восточной Европы, где плановая экономика просуществовала более четырех десятилетий, и в особен-

ности Советскому Союзу, имевшему такую экономику дольше других – около шести десятилетий, пришлось испытать негативные последствия «старения» плановой системы.

Догнать Гондурас

По мере замедления роста менялось и отношение элиты к тому, что происходило в стране. Ранее эта элита – политическая, техническая, интеллектуальная – была лояльна режиму, несмотря на более низкий, чем на Западе, уровень жизни. Энтузиазм элиты питали именно социальный динамизм, сокращение разрыва в уровнях экономического и социального развития, вера в то, что социализм как более прогрессивная система в итоге превзойдет капитализм по всем показателям. Эта вера, однако, была поколеблена снижением темпов развития, приведшим в итоге к застою.

Вот история, подлинность которой еще предстоит проверить (имена изменены, а совпадения с реальными историческими персонажами и событиями – чистая случайность). В 1964 году после официальных переговоров министров связи Гондураса и СССР в Тегусигальпе гондурасский министр г-н Родригес пригласил гостя г-на Иванова к себе

на асьенду, расположенную недалеко от столицы. Он показал г-ну Иванову свое небольшое поместье площадью около 5 га с фруктовым садом, особняк с семью спальнями на втором этаже, бассейн, гараж с коллекционными лимузинами, помещения для многочисленной прислуги. Вечером на обеде гость с удовольствием отведал экзотические блюда, причем многие из них – впервые в жизни. Хозяин похвастался фотографиями своих детей, которые учились в Гарварде и Принстоне. На следующий день была прогулка на одном из раритетных лимузинов и рыбалка на личной яхте г-на Родригеса.

Г-н Иванов в Москве жил на порядок скромнее, но не особенно завидовал гондурасскому министру. Он знал, что народ в этой стране Центральной Америки беден, многие голодают, а продолжительность жизни там составляет всего 50 лет против 70 в СССР; что советские, а не гондурасские ученые получают Нобелевские премии; что первый искусственный спутник Земли и первый космонавт в мире – советские. «Наши подводные лодки бороздят Мировой океан, – думал г-н Иванов, – мы обогнали всех “даже в области балета”, мы сокращаем разрыв с Западом по уровню экономического развития, а еще наше рабоче-крестьянское государство строит социализм с человеческим лицом – первое в истории новое общество социального равенства и справедливости».



В конце 1960-х технологическое отставание СССР было налицо, поэтому знаменитые советские «жигули» приходилось выпускать по итальянским лекалам

Г-н Иванов гордился достижениями своей страны и ее социальным динамизмом.

Двадцать лет спустя, в 1984 году, преемник г-на Иванова на посту министра связи и коммуникаций г-н Петров посетил Гондурас для переговоров со своим визави – министром г-ном Гонсалесом, преемником г-на Родригеса. Советский

министр был неприятно удивлен и даже раздражен тем, что увидел. Он узнал, что продолжительность жизни в этой стране выросла за последние два десятилетия с 50 до 65 лет, тогда как в СССР за то же время она не только не увеличилась, но даже сократилась, оставшись всего лишь чуть-чуть выше, чем в Гондурасе. Да, Советский Союз был более развит экономически и технологически, но г-н Петров хорошо понимал, что он лично, похоже, никогда не будет жить так хорошо, как г-н Гонсалес. И он спрашивал себя: почему? Разве он не заслужил того, что имел г-н Гонсалес? Чьи подводные лодки бороздят Мировой океан, в конце концов? Кто впереди планеты всей в науке и искусстве, в космосе и балете – Гондурас или СССР?

«Раньше, – рассуждал г-н Петров, – Советский Союз развивался быстрее, чем Запад, так что мы были уверены, что наши трудности временные и скоро мы догоним богатые страны. Раньше мы видели свет в конце туннеля и были готовы терпеть лишения ради высших целей добра и справедливости. А теперь, если мы уже



В относительно благополучные 1970-е очереди в магазинах были не так велики



АЛЕКСАНДР СЕНЦОВ / ТАСС

В 1991 году очереди за товарами народного потребления становились все длиннее, а самих товаров было все меньше и меньше

не догоняем Запад, зачем нам страдать и терпеть? К черту социализм! Может быть, это прогрессивная социальная система, но не для меня. При капитализме в СССР я лично буду жить лучше, чем все министры Гондураса, вместе взятые».

Так менялось отношение советской элиты к социализму в 1970–1980-х годах, когда командная система утратила динамизм. В связи с этим можно сказать, что единственный рецепт успешного догоняющего развития на основе альтернативной (не западной) модели и без возведения «берлинских стен» и «железных занавесов» – это экономический и социальный динамизм. Социализм, как и велосипед, сохраняет устойчивость только в движении. Теряя динамику, он теряет всё.

Рукотворные кризисы

Считается, что к концу 1980-х плановая экономика полностью исчерпала свои возможности. Однако это не так. Экономический крах как таковой в СССР так и не наступил. Был застой 1980-х (когда ВВП рос на 1–2% в год, то есть теми же темпами, как и численность населения, а подушевой ВВП вообще не рос, хотя и не снижался). Было падение на 9% в 1990–1991 годах – кризис, но не очень глубокий в сравнении с последующим обрушением на 40% в 1992–1998 годах.

Но и то и другое падение – это результат реформ, а не кризиса плановой

экономики. Если бы горбачевских реформ не было, застой бы продолжался еще 10–20 лет как минимум – без роста, но и без падения. СССР рухнул не по экономическим причинам. Коллапс был рукотворным, организованным реформаторами. Собственно говоря, это был самый крупный в истории кризис, сфабрикованный самими творцами экономической политики. Как в анекдоте: «Специалисты Госплана – наше самое разрушительное оружие». Только это были не госплановские работники, а рыночные реформаторы.

Точно так же и падение продолжительности жизни на постсоветском пространстве и в Восточной Европе в 1990-х

годах – один из трех самых крупных рукотворных кризисов смертности за всю известную нам историю человечества. Это случилось не в результате войн, природных катастроф или эпидемий, а из-за социальных перемен, вызванных плохо проведенными реформами.

Проблемы переходного периода

Конечно, наилучшим вариантом и в 1960-х, и в 1980-х годах был переход к рынку по китайскому варианту, причем чем раньше, тем лучше. Если бы мы перешли к рынку в 1960-х, то было бы ускорение роста, как в КНР. А если бы постепенные рыночные реформы начались в 1980-х, то произошло бы падение производства – трансформационный спад, но, безусловно, не такой глубокий, какой случился в 1990-х годах в России. И дело здесь не в темпах перехода – быстрых (шокотерапия) или постепенных. В Китае был постепенный переход, градуализм, а во Вьетнаме одномоментно дерегулировали в апреле 1989 года 90% всех цен – так что и шокотерапию в Азии проходили еще до Польши, которая дерегулировала цены только с начала 1990-го. Так вот, результат и в КНР, и во Вьетнаме был почти одинаковым: никакого спада, а, напротив, ускорение роста производства.

Катастрофическое падение производства в 1990-х годах в России и других бывших союзных республиках и странах Восточной Европы произошло не столь-



ВАЛЕНТИН СОБОЛЕВ/ТАСС

Продажа портвейна в Москве. 1992 год



FOTOSKY.RU

Организованный переход от плана к рынку, как в Китае, без развала государства, похоже, возможен лишь при авторитарном режиме. Демократизация в СССР и в России резко сузила возможности для экономического маневра

ко из-за шокотерапии, сколько из-за разрушения госинститутов – способности государства гарантировать контракты, права собственности, правопорядок в целом, предоставлять другие общественные блага (образование, здравоохранение, поддержание инфраструктуры и прочее). История трансформационного спада 1990-х – это история провала не рынка, а государства.

При этом точка невозврата пройдена не была – Михаил Горбачев стал реформировать систему до того, как она рухнула. Такая стратегия – игра на опережение – безусловно верна и дает свободу маневра, но воплощение стратегии оказалось хуже некуда. Экономика рухнула не потому, что была советской, плановой и застойной, а потому, что горбачевские реформы сломали государство, без которого ни одна экономика не может функционировать мало-мальски эффективно. Никакой собственности – ни государственной, ни частной – без государства не бывает, и это азы марксизма, которые, видимо, не были усвоены реформаторами.

Реальные рыночные реформы, по сути, не проводились до 1992 года, но зато рос бюджетный дефицит, который гасили печатанием денег, усиливалась инфляция, обязательные планы фактически отменялись, а рыночные механизмы на их место не приходили.

Организованный переход от плана к рынку, как в Китае, без развала государства, похоже, возможен лишь при авторитарном режиме (или по крайней мере под руководством такой внешней организации, как Европейский союз). В этом плане демократизация в СССР и в России резко сузила возможности для экономического маневра.

Многим такой вывод покажется неприятным. Многие скажут, что свобода и демократия дороже всего, – и с этим спорить бессмысленно, это вопрос оценки и приоритетов. Но те, кто считает, что при демократизации был возможен вариант не хуже китайского, вряд ли смогут привести в пример страну, где это произошло на практике. Почему – тема отдельного разговора. ■

Перестройка: взгляд из-за океана

Вскоре после распада СССР в газете The Washington Post вышел такой анализ итогов горбачевского шестилетия.

1985 ГОД	1991 ГОД
Советский золотой запас	
ОКОЛО 2500 Т	240 Т
Продажа бигмаков в Москве	
0	15 МЛН
Число политзаключенных	
600	0
Официальный курс доллара	
0,6 РУБ.	90 РУБ.
Число членов КПСС	
19 МЛН	0 (ПАРТИЯ ЗАПРЕЩЕНА)
Официальные темпы роста советской экономики	
+2,3%	-11%
Внешний долг	
10,5 МЛРД ДОЛЛ.	52 МЛРД ДОЛЛ.
Цена килограмма мяса	
2 РУБ.	100 РУБ.
Экспорт нефти, в млн баррелей	
1172	511

Не все цифры, приведенные американскими газетчиками, точны, но в целом выкладка получилась весьма показательной. Именно так выглядела ситуация в позднем СССР из-за океана. Именно так оценивала итоги реформ в Советском Союзе зарубежная печать. Получалось, что в стране от перестройки выиграли только любители бигмаков и политзаключенные. Что же касается самих Соединенных Штатов, то их выигрыш был беспрецедентен. Еще бы, их главный геополитический соперник приказал долго жить! США смело записали победу в холодной войне в свой актив.